

Н

Элеонора Раткевич

АЁМНИК МЁРТВЫХ БОГОВ

Жизнью моей
воплотись и встань,
дай мне тебя убить

По дороге в легенду. Новое героическое фэнтези

Элеонора Раткевич

Наёмник мёртвых богов

«ЭКСМО»

1996, 2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Раткевич Э. Г.

Наёмник мёртвых богов / Э. Г. Раткевич — «Эксмо», 1996,
2026 — (По дороге в легенду. Новое героическое фэнтези)

ISBN 978-5-04-251591-0

Старые боги пали, а новые бессильны помочь людям. Мир захлёстывает волна тёмной магии, и спасти его способен лишь один человек – последний Страж Границы, Наёмник мёртвых богов.... Иллари – придворный, поэт и дуэлянт из Белого Города, привыкший рисковать жизнью ради острых ощущений. Однажды его спасает от смерти странный юноша с лиловыми глазами – изгнанник из легендарной страны мастеров, Джетевена... Мерхина, замок зловещего Палача, неприступен, а его пыточные подвалы внушают ужас даже самым отчаянным смельчакам. И всё же воин Тай поклялся отомстить Палачу Мерхины, который когда-то подверг его невыносимым мукам... Но, пробравшись в крепость, воин узнает шокирующую правду: о Палаче, о самом себе и Зле, поработившем мир.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-251591-0

© Раткевич Э. Г., 1996, 2026
© Эксмо, 1996, 2026

Содержание

Наемник мертвых богов	6
Повелитель	6
То, чего нет	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Элеонора Генриховна Раткевич

Наёмник мёртвых богов

© Раткевич Э.Г., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Наемник мертвых богов

Повелитель

Книга была такой огромной, что положить ее к себе на колени оказалось почти невозможным. После нескольких попыток я разместил ее на траве, и она раскинулась передо мной, а я лежал на животе и пытался разобрать полустертую вязь магического текста:

– Создайся плотью от плоти моей...

Воздух задрожал и потемнел.

– Возьми дыхание от дыхания моего...

Волосы мешали, лезли в глаза, и я хотел их отбросить, но не успел. Я получил такой пинок под ребра, что отлетел от книги на добрых моих два роста, а ростом меня Боги не обидели.

– Сопляк, паршивец, ты что это делаешь?!

Никогда я еще не видел Наставника в таком лютom гневe. Я валялся на траве, пытаюсь дышать, и ничегошеньки не понимал.

– Я... я читал, Учитель, – с трудом выдавил я.

– Ах, ты читал, поганец?! – Наставник одной рукой поднял меня с земли, а другой залепил здоровенную затрещину.

Дело скверное. Рука у моего Наставника тяжелая, и я считал, что в полной мере изведать ее тяжесть, когда мы боролись. Но раньше он никогда меня не бил, тем более – так. Ох, как все нескладно получается. Что же я такого натворил?

– Значит ты, трам-тебя-тарарам, читал?!

– Я виноват, Наставник, – я опустил на колени и склонил голову.

Никогда еще я не признавал свою вину без оговорок, без малейшей попытки оправдаться, никогда еще не был готов добровольно принять наказание. Но и Учитель мой так себя никогда не вел. Даже когда я в трехдневном переходе умудрился потерять меч.

– Он виноват, видите ли! – Наставник снова ударил меня. – Ты хоть понимаешь, что натворил?!

– Нет, Наставник, – искренне ответил я.

Это его несколько отрезвило.

– Я тебе говорил, чтоб ты никогда не произносил заклинания вслух?

– Да, Учитель, но я нечаянно... я не очень хорошо читаю, и мне вслух легче...

– Не умеешь – не читай. Нет, ну вот же приспичило оглоеду. Я тебе, мерзавцу, даром говорил? Нельзя – значит, нельзя. Это тебе не базарные лубки с намалеванными голыми девками.

Я подумал, что Наставник в чем-то прав. Мысленно я приравнивал запрет на магические книги к запрету на непристойные лубки с раскрашенными картинками. И то, и другое мне рассматривать не полагалось: еще рано. Но неприличные лубки я уже читал, хоть мне это и запрещалось, так почему же не прочесть и магические книги, которые мне тоже запрещены?

– Сопляк ты, щенок! Читает он, видите ли! Вслух, что попало, где попало! Не где-нибудь в потаенном месте между мирами, нет! Разлеся на пузе в травке и призывает. Да еще задержишься чуть-чуть, и остались бы от тебя кровавые тряпочки. Ты хоть это понимаешь?

– Да, Наставник, – виновато произнес я. – Теперь понимаю.

– И мало того, мне бы еще пришлось отлавливать ту пакость, которую ты по своему недомыслию затащил в наш мир. Даже не зная, что это за тварь и где ее искать. И что она может натворить на свободе.

– Я виноват, Наставник, – глухо повторил я.

– Вот и подумай о своей вине, – пробурчал Наставник и коснулся моей шеи у плеча. Я окаменел. Моя плоть оставалась живой, но не повиновалась мне. Спасибо и на том. Я уж думал, что впервые за годы обучения меня просто выдерут, как сопливого мальчишку, и поделом же мне будет. Но наказали меня, как взрослого. Я отстоял свое на службе. Я отстоял свое на лужайке, которую чуть не загубил своими неосторожными заклинаниями, да еще на месяц меня лишили права носить меч.

Это было года четыре назад, и урок я усвоил, как должно. Особенно когда я узнал, что чуть было не произнес заклинание разделения плоти. Часть ее захватило бы какое-нибудь потустороннее чудище и разорвало бы то, что от меня осталось, действительно на кровавые тряпочки. Больше я самочинно в магические книги не лазил. Наставник иногда давал мне их читать – под своим присмотром, разумеется – но очень неохотно. Он считал меня безответственным сопляком, и я не мог его за это винить. Ничего не скажешь, показал себя во всей красе.

Мой Наставник Гимар – лучший воин-маг отсюда до столицы, а может, и в столице, но по нему не скажешь. Приземистый, пузатенький, ест за двоих, пьет за троих, ругается, как первосвященник в публичном доме. Одет непонятно во что. Все старое, латаное. Отродясь я на нем новых штанов не видел. С тех самых пор, как он подобрал меня, голодного, на улицах Техины.

Голод сводил меня с ума, голод заставил меня удрать из дома и броситься на поиски счастья в ближайший город, но и там мне пришлось солоно. Улицы Техины вымощены отнюдь не деньгами, красть я не хотел и не умел, попрошайничать тоже, а ремесла никакого толком не знал. Дома я сгребал навоз и все такое прочее, а в городе на подобную работу спрос невелик. Все это я поведал Гимару за второй порцией речной рыбы – первую я проглотил, не заметив. Гимар потребовал у трактирщика здоровенный каравай хлеба и умиленно наблюдал, как я в него вгрызаюсь.

– Что, налоги большие? – сочувственно спросил он, глядя, как я уписываю свежий теплый хлеб.

Я помотал головой.

– Мы освобождены от налогов, – невнятно провещал я набитым ртом.

Гимар присвистнул: он знал, в какой горькой, крайней, безысходной нужде можно добиться полного освобождения от налогов.

– Мало рабочих рук?

Я ответил не сразу: кинул в рот слишком большой и горячий кусок рыбы, обжегся и теперь дышал часто и коротко.

– Рук хватает, – наконец ответил я, отдышавшись. – Отец и еще трое братьев. Я самый младший. Раньше ничего было. Деда пчел держал. Ничего хозяйство было. А потом деда умер, и как-то оно быстро все сошло на нет. Работать есть кому, и работаем, а земля не родит. Нет нам счастья, вот и все.

– Земля, говоришь, не родит, – задумчиво произнес Гимар. – Счастья им, видите ли, нету.

В его голосе чувствовалось осуждение, и я обиделся. Много позже я узнал, что осуждение относилось не к нам.

– Ладно, пацан. Доедай и пойдем.

Я никуда не хотел идти. Я опьянел от вкусной сытой еды.

– Куда пойдем? – насторожился я.

– К тебе домой.

– Не пойду домой, – я вжался в трактирный стул, словно он мог поглотить меня и спрятать.

– Что так? – любопытствовал Гимар.

– Выдерут, – убежденно сказал я.

– За то, что удрал?

– Ага, – если этот странный человек все понимает, зачем предлагает идти домой. Там так холодно, и жрать нечего. Если бы что и завелось, крысы все сожрут вчистую. А меня дома отлупят, это точно.

Гимар усмехнулся.

– Пусть попробуют, – сказал он, отвечая на мои слова, не произнесенные вслух. Я уставился на него.

– Пойдем-пойдем, – он решительной рукой взял меня за шиворот. Я размазывал по физиономии слезы, грязь и сопли, упирался, но мне и в голову не могло прийти указать ему неверную дорогу.

Дома меня, ясное дело, встретили не то, чтобы приветливо. Но Гимар тут же увел отца и братьев в дом, и я ловил только обрывки их разговора. Не очень-то хорошо слышно через окно.

– Это хорошая цена... стыдитесь... я бы вам советовал... семью, и в город... эта земля родить не будет... не советую, сейчас не те времена... ремеслу научится, о чем разговор... зачем пропадать?.. в обиде никто не останется...

Словом, Гимар выкупил меня у моей семьи. Точной суммы я так и не узнал – своих я больше не видел, а не у Гимара же мне спрашивать – но деньги, видно, были немалые, раз на эти деньги по совету Гимара вся семья снялась с земли и переехала в Техину. Устроились они там неплохо, мать мне писала веселые письма. Но я не побывал у них дома. На другой же день Гимар увез меня в свои края. Больше я никогда не искал отбросы на свалке.

Гимар сдержал слово: никто в обиде не остался. Семья моя получила хороший доход и дом в городе, а я получил то, о чем не мог и мечтать. Я был не просто сыт и одет. Я учился лучшему в мире ремеслу – ремеслу воина-мага. Учиться было очень тяжело, но я бы не менял свою жизнь ни на какую другую.

Гимар поначалу ворчал, что он спятил, что из меня ничего не выйдет, что я слишком поздно начал. Но я учился с остервенелым упорством. Ни за что на свете не мог я допустить, чтобы Гимар от меня отказался. Та наука, которая сызмала входит в тело незаметно, как вода в молоко, вливалась в мои мышцы немыслимой болью, но я терпел. От усердия я готов был на любые деяния, и Гимару частенько приходилось говорить мне: «Охолони, парень. Это тебе не под силу». И я добился своего. Когда к Гимару как-то раз наехали в гости его боевые друзья со своими учениками, я не чувствовал, что они хоть в чем-то превосходят меня. Один из старых воинов сказал Гимару: «Откуда ты выкопал такого парнишку? Он лучше всех наших, честное слово». Гимар в ответ буркнул: «Не хвали тесто, пока хлебом не стало, прокиснет». Но он был доволен, я знаю.

Выучился я и многому другому. У Наставника Гимара и пчелы роились, и земля родила, и еще как! Впервые я узнал, что такое работать на земле в полную силу, а не ковыряться в ней пальцами за отсутствием сохи. Поначалу я считал, что впустую трачу время вместо того, чтоб махать мечом, но Гимар живо поставил мне мозги на место. И когда пришел срок, сделал из меня неплохого кузнеца и оружейника. Мой первый меч, тонкий и легкий, был выкован руками Гимара. Когда мне пришла пора браться за настоящее боевое оружие, я выковал его сам. Не сразу, конечно.

Словом, жили мы размеренно и неторопливо. Став постарше и уразумев, что к чему, я только диву давался: неужели на услуги такого человека, как Гимар, не находится спроса? Времена стояли тяжелые. То тут, то там вспыхивали распри, кой-где на окраинах полыхала настоящая война. Кого с кем? Я не знал тогда. Как не знал и того, почему повальный неурожай терзал некогда плодородные земли. Засухи, ливни, пожары... ничего я тогда не знал.

Однако настал и мой день. Я давно понял, что задавать вопросы Учителю бессмысленно. Все, что нужно, и когда нужно, он скажет сам.

Я сидел на крылечке и заговаривал стрелы – занятие не столько трудное, сколько нудное. Стоит хоть раз ошибиться, и все насмарку, надо начинать заговор сначала. Это если не придется вообще выбросить стрелы и делать новые. Поэтому я так удивился, увидев, что Наставник идет ко мне. Обычно он не мешал мне, когда я заговаривал оружие: дело это было для меня внове, и ошибался я часто.

Однако мгновение спустя я удивился еще больше: Наставник протянул руку к стрелам и быстро, в несколько певучих фраз, закончил заговор за меня. Вот это да! Мастерская работа, ничего не скажешь. Я сам возился бы до полудня. Но Наставник никогда не делал за меня мою работу, стоило мне научиться хоть кое-как выполнять ее. Что за спешка?

– Вставай, парень, поторапливайся.

Я послушно встал.

– Руки чистые? – спросил Гимар, придирчиво оглядывая меня.

– Конечно, Учитель! – я даже обиделся немного. – Я всегда привожу себя в порядок перед работой, ты ведь знаешь. Я купался сегодня. И одежда чистая.

– Это хорошо, хорошо. Значит, переодеваться тебе не надо. Пояс подтяни, распустих.

Я подтянул пояс.

– Пойдем скорее. Время не терпит.

Наставник Гимар на целую голову ниже меня, шаг у него некрупный, опять же пузо мешает. Но, несмотря ни на что, я с трудом поспевал за ним. Куда мы так спешим? Да еще чтобы обязательно чистые, умытые. Батюшки, да ведь Наставник тоже во всем новом. И как я сразу не заметил?

– Куда мы идем? – я не удержался от вопроса.

– Ты – наниматься на службу, я – заверить твой найм, – ответил Наставник.

– Наниматься? Я? Правда? – я слегка обалдел от радости. Наставник тяжело вздохнул.

– Правда, правда, – проворчал он. – А если тебе так нужна правда, изволь: никакой ты еще не воин-маг, а вовсе сопля в полете. Вон какой вымахал амбал, – он задрал голову, неодобрительно заглянув мне куда-то в ноздри, – а ума не нажил. Поперек себя в плечах шире, а так дурак-дураком.

Он снова вздохнул и на ходу почесал брюхо.

– По настоящему, так тебе еще рано наниматься. Но ничего не поделаешь, приходится спешить. Война совсем уже рядом.

– Война? Какая? С кем?

Гимар не ответил.

– Ты своим написал, чтоб уезжали, как я тебе велел?

– Написал, – я судорожно сглотнул. – Только они все равно не уехали. Ты же знаешь, Наставник. Я сколько раз приехать к ним хотел, и ты меня отпускал, они сами не хотели. Я для них теперь «шибко умный сделался». И вообще отрезанный ломоть. Так что они меня не послушали.

– Шибко умный, – проворчал Гимар. – Что ж, дуракам закон не писан.

– Неужели так плохо, Наставник? – спросил я с невольной дрожью в голосе. Моя семья отказалась от меня, но все же это была моя семья.

– Хуже, чем ты даже можешь себе представить, – хмуро ответил Гимар.

– А в чем дело? – спросил я без всякой надежды на ответ. Но Гимар ответил.

– Новые Боги, – произнес он. – Новые Боги воюют с нынешними. Не терпится им, поганцам. Не хотят, понимаешь, своего времени ждать. Подавай им все сейчас. А что такое битва Богов, сам знаешь.

Я знал. Если Боги воюют между собой, то битва вынуждает их сторонников воевать друг с другом. Они бы и рады не воевать, да не могут. Сила превыше их толкает их в бой. И как боевые успехи Богов могут решить исход битвы для людей, так и война среди смертных может повлиять на исход битвы между Богами. Бывало, что именно человеческая доблесть выигрывала сражение для Богов. Но это было так давно. Даже язык легенд, повествующих о подобных боях, в наше время уже почти непонятен. Гимар учил меня древнему языку именно на этих легендах. Давнее, темное время. Еще до нынешних Богов. Эти-то пришли в мир, когда им положено.

– Это ж сколько крови будет, – растерянно произнес я.

– А ты думал, без боя обойдется? – свирепо рявкнул Гимар.

– Да нет, Наставник, я не про бой, – попытался объяснить я. – Я про обычных людей думал.

Гимар выдохнул воздух сквозь сжатые зубы и ничего не сказал.

Нас должен был встретить главный жрец, но он нас не встретил. Он лежал на белых ступенях храма, и его внутренности перламутрово блестели на солнце. Очевидно, он был убит последним, совсем недавно. Служки погибли раньше, их перерезанные горла и вспоротые животы уже высушил ветер и засыпал песок. А главного вытащили на ступеньки и прирезали совсем недавно. И храм подожгли недавно: дымом уже тянуло вовсю, но пламя еще не ревело, а тихо потрескивало где-то в дальних приделах.

– Все кончено, – почему-то только эти слова и пришли мне на язык при виде зверски убитых жрецов.

– Ну, нет, не все, – бешено возразил Гимар. И с силой толкнул меня в горевший храм.

Мы уже ничем не могли помочь несчастным. Мы ничего не знали, и поэтому опоздали прийти им на помощь. Теперь мы не имели права даже думать о них; не было времени. Нам нужно было очень спешить, чтобы не опоздать в главном. Гимар прав – еще не все кончено.

В храме было темно и душно. Клубы дыма плавали в воздухе. Потрескивание пламени было слышно отчетливее. Треск, треск, словно тысячи огромных кузнечиков сошли с ума.

– Скорее, пока алтарь цел, – торопил меня Гимар, и я, кашляя, бежал за ним.

Алтарь был цел. Пламя сюда еще не добралось. Гимар метался по алтарной в поисках чего-то нужного.

– Все перевернули, гады, – бормотал он, роясь в храмовом добре. – Хоть бы одна целая чаша... ага, вот. И вода... хорошо. Может, успеем.

Он выудил из кучи обломков невредимую чашу, достал из-за пояса флягу с водой, с которой никогда не расставался, и бережно перелил воду в чашу.

– Придется нам самим, без посредников, – вздохнул он. – Да не стой ты столбом, возьми чашу.

Я неуклюже принял у него чашу. Гимар прикрыл глаза и начал медленно, нараспев, произносить какие-то слова. У меня кружилась голова, я снова закашлялся и едва не уронил чашу. Наставник бросил на меня свирепый взгляд.

– Возлей воду, – приказал он.

Я непонимающе взглянул на него.

– Вылей воду на алтарь, болван!

Я подошел к алтарю и опрокинул над ним чашу. И на алтаре вспыхнуло пламя!

Я отшатнулся: огонь едва не задел меня.

– Хорошо, – просипел, задыхаясь, Гимар. – Боги услышали нас. Теперь посмотрим, кто из них примет твою службу.

Он вытащил из-под алтаря ящичек с грудой каких-то бляшек и поставил их передо мной.

– Бросай их в огонь, – велел он. – По одной.

Я вынул бляшку из ящика. Она оказалась неожиданно тяжелой. На ней было что-то отчеканено. Я хотел посмотреть и поднес бляшку к глазам.

– Не смотри, – хрипло заорал Гимар. – Бросай, скорее!

Я повиновался. Бляшка не долетела до алтаря. Она исчезла в огне. Не сгорела, а именно исчезла. Я замер от неожиданности.

– Бросай скорее, наказание мое! – надрывался Гимар.

Я бросал, одну за одной, и одна за другой они исчезали в пламени над алтарем, пока, наконец, какая-то из них не коснулась алтаря. Она со звоном ударилась об алтарь, и пламя мгновенно погасло.

Гимар просиял.

– Твоя служба принята, – воскликнул он. – Давай скорее сюда, сейчас посмотрим.

Он поднял с алтаря круглый кусочек металла, брошенный моей рукой, и взгляделся в него.

– Страж Границы, – медленно прочитал он.

По правде говоря, я огорчился. Я лелеял надежду стать Воином Света, или, на худой конец, Мечом Воды, а тут извольте видеть, Страж Границы.

– Отлично, – Гимар так и сиял. – В самый раз для тебя. А теперь пойдем отсюда. Жарковато становится.

Жарковато – это еще слабо сказано. Когда мы выходили, огненные кузнечики уже не стрекотали. Огонь ревел, пожирая левый придел храма. Его голодный рев становился все громче. Когда мы отнесли мертвых на храмовое кладбище, Храм Всех Богов полыхал, как головешка.

Война пришла в наши края раньше, чем ждали.

Вот так я нанялся на службу к изначальному Стражу Границ и сам стал Стражем Границы. Первое разочарование прошло быстро. Конечно, Воины Света, Мечи Воды и прочие сражаются в смертных боях и добывают себе славу. Так это каждый дурак может, умеет только мечом махать. А здесь, на границе... Война пришла к нам не битвами регулярных армий, а стычками банд и налетами воровских шайек, голодом и бесчисленными зверствами, от которых некуда бежать. Когда армия наступает на город, можно затаиться, скрыться, бежать. Не каждому, но кое-кому удастся. Так то – в столице, а в этой чуме всеобщего безумия куда ты денешься, когда каждая травинка – нож, и каждая ветка – плеть? Бежавших в леса бандиты травили натасканными на людей собаками, затаившихся по деревьям резали на пороге собственного дома. Редкие смельчаки пытались укрыться в скалах, но землепашец – не охотник, и голод гнал этих немногих вниз, на бандитские ножи.

Очень скоро я понял, как мы с Учителем нужны здесь. Я привык уважать свою работу и отвык ночевать дома. Иногда я неделями не виделся с Наставником Гимаром, забегая домой, чтоб полить огород, и снова исчезал. Много ли навоюешь вдвоем? Воины Света, как же! Посмотрел бы я на них! Война не полыхала, она тлела подземным пожаром, и нам приходилось не столько бросаться в битву, сколько искать ее – упреждать, догадываться. Именно мы, а никакие не Воины Света нашли и уничтожили отвратительный застенок – бывшую усадьбу, которую приспособили под свои нужды палачи на службе Новых Богов. Помню, когда мы выносили пленных, один посмотрел вокруг и сказал: «Солнышко... вот я и умру скоро... хорошо». Я пытался уверить этот обрубок человека, что он еще выживет, и что жить стоит, но он посмотрел на меня и сказал: «Умереть хорошо». Сказал не убежденно даже, а обыденно, как нечто общеизвестное. Таким тоном сообщают, что трава зеленая.

Люди шли к нам за помощью, будь то сторонники Новых или Нынешних Богов, и мы не разбирали, кто просит, мы шли. Мальчишки Фаттарн и Тенах жгли Храм Благодарения вместе со всеми, но когда поджигатели решили устроить резню в деревне, побежали за нами. По счастью, мы оказались дома, и успели почти вовремя. Избили их потом страшно, Фаттарн еще долго хромал.

Матери приходили к нам за хлебом для голодных детей, и мы давали, давали, давали – и хлеб, и молоко, и мед. В уплату Гимар просил только одного: заготовить из нашего добра всяких солений, вялений и маринадов. И они вялили, варили, коптили. Ведь иначе не только мы заживем впроголодь. Иначе зимой нам нечего будет им дать.

И контрабанда! Прежние скудные ручейки ее ныне хлестали водопадами. Оружие и деньги, деньги и оружие для обеих сторон. И не просто честное оружие для честного боя, но и всякие магические пакости. Камешки, которые разносят тебя на куски, если на них наступить. Флакончики жидкости, одна капля которой способна заставить реку течь огненной лавой. Семена заморских цветов, каждый из которых может сделать бесплодной пустыней самые плодородные земли на добрую лигу вокруг себя. И штучки, превращающие человека в камень, а то и во что похуже. Мы разрывались на части, чтоб успеть повсюду, мы сутками не ели, не пили, не спали, но мы держали границу. Однако мы понимали, что ненадолго. Волны грабежей, резни и зверств уже не захлестывали нас, они откатывались назад, и это было дурным знаком. Их уход мог быть вызван только одним: приближалась армия. По слухам, ее передовые отряды уже искали переход через горы. Они перейдут, я в этом не сомневался: непроходимы горы только зимой, а летом всегда можно найти переправу. Наставник Гимар устроил несколько лавин, напрочь уничтоживших безопасные проходы, но надолго задержать армию мы не могли.

Первый отряд появился утром, вскоре после рассвета. Глупо, но вполне понятно: не очень-то и могут равнинные жители ночью переправляться через горы. Заблудятся, потеряются, отстанут в темноте, и в предрассветном тумане выйдут напрямик на засаду.

Засада их уже ждала. Мы с Наставником Гимаром лежали на скалах над узкой тесниной. Здесь и один человек может удержать проход. Исключительно удобная позиция: целый отряд положить можно, а тебя никто и не приметит. Ну, армию, конечно, так не остановишь.

Я видел, как блесит солнце на остриях их копий. Видел облезлый пятнистый загар новичков и сбитые копыта их коней. Видел шрамы на лицах ветеранов. Видел свежие, не осунувшиеся еще лица людей из недавнего пополнения. Выражение этих лиц было удивительно одинаковым: самоуверенным до наглости. То был передовой отряд победоносной армии. Армии Новых Богов.

Я наложил стрелу на тетиву и задержал дыхание, выбирая мишень. И тут я, наконец, понял, что же я увидел. Эти несколько лиц недаром показались мне знакомыми. Этейр и Габох, мои друзья детства. И один из моих старших братьев. Они ехали в первом ряду.

Мои ладони стали такими мокрыми, что я отложил лук и вытер руки о штаны. Сейчас я буду стрелять. Я должен. Я должен выбрать, кто я – человек или воин. Исполню я человеческий или воинский долг. У меня есть еще немного времени. Несколько мгновений. Когда копыта коней коснутся тени от скалы, именуемой Лысый Барсук, я должен буду сделать первый выстрел.

Я поднял лук и снова положил стрелу на тетиву. И снова я не выстрелил. Мое тело внезапно охватила тугая, давящая боль. Моя душа и разум были опустошены. С трудом я положил лук рядом с собой. Мне было нечем дышать. Воздух куда-то исчез, и утренняя роса серебрилась пеплом на серых камнях.

Наставник Гимар коснулся моего плеча. Я скосил глаза в его сторону и чуть не вскрикнул. Его лицо было пепельно-мертвым, серым, как роса, как камни, как исчезнувший воздух.

– Уходим, – беззвучно произнесли его губы.

Я последовал за ним. Мы осторожно отползли от края скалы и принялись спускаться в долину. Нас никто не заметил. Армия совершала свое победное шествие по другую сторону скал.

Боль схлынула так же внезапно, как и накатила, оставив во всех мышцах жуткое недомогание, почти обиду. Рот мой был заклеен тягучей, вязкой слюной, губы пересохли.

– Глотни, – Учитель отстегнул от пояса свою бесценную флягу с водой, одним мощным глотком осушил ее наполовину и протянул мне остальное. Я прикончил остатки воды, и лишь тогда смог сплюнуть едкий тягучий комок.

– Почему, Учитель?..

– Кончено, – тихо ответил Гимар. – Нам больше некого отстаивать. Наши Боги умерли.

– Откуда ты знаешь, Учитель?

– Ты тоже это знаешь, – сухим пепельным голосом ответил Гимар. – Ты тоже почувствовал.

– Да, мне было больно там, на скалах...

– Больно! – фыркнул Гимар. – Да ты на свой воинский знак посмотри.

Я снял с шеи металлический кружочек с надписью на древнем языке «Страж Границы» – гадальную бирку, определившую мою судьбу. Металл был мертв. Он не то, чтобы потускнел, но блеск его был блеклым. И он был тяжел мертвой тяжестью. Он казался тяжелее обычного, как мертвое тело кажется тяжелее живого. Душа ушла из него.

Я снова надел свой знак, и прижал ладонью к груди, словно надеясь оживить его.

– Теперь видишь? – спросил Гимар.

Я молча кивнул.

– Если бы хоть один из Богов остался в живых, был бы смысл задерживать армию. А так... – Учитель пожал плечами, – стоит нам подстрелить хоть одного, и они просто вырежут деревню.

– Думаешь, сейчас они ее не тронут?

– Не особенно. Она им, собственно и не нужна, они идут дальше. Пограбят немного, убьют одного-двоих... Мерзавцы! Подлецы!

– Армия есть армия, – вздохнул я.

– Да причем тут армия! – взревел Гимар. – Я о Богах этих! Поганцы паршивые. Власть им подавай! Задницы у них чешутся. Пока трон к заднице не приложишь, не пройдет.

Я представил себе небесный трон в виде чесоточного пластыря. Дивное зрелище.

– Что теперь начнется, подумать тошно.

– А я считал, что худшее уже кончилось, – искренне удивился я.

– Да ты что. – С Новых Богов гнев Гимара обратился на меня. – Земля теперь снова начнет родить, тут ты прав. Только легче от этого никому не будет.

– Так ведь война кончилась, – попробовал возразить я.

Гимар махнул рукой.

– Ну и что? Зато мои магические книги теперь даже для подтирки не годятся. Пергамент слишком жесткий.

Боги, мертвые мои Боги! Да ведь Гимар никогда даже не поминал свои книги всуе, не то, чтобы отозваться о них с такой кошунственной непочтительностью.

– Магия – она ведь не сама по себе, парень. Она или от Богов, или от Сил Зла, – Гимар привычно сделал охраняющий жест левой рукой и тут же досадливо сморщился, сообразив, что после гибели Богов этот знак уже ни на что не пригоден. – Есть еще магия земли, воды и железа, но и она без помощи Богов почти ничего не стоит. Есть магия эльфов, но мы ее не знаем. И не думаю, что она вообще для людей годится. В этом мире не работает больше ни одна светлая магия.

– Почему? – тупо спросил я. Наверное, я был очень потрясен случившимся, раз не догадался сам.

– Да потому, что прежняя магия умерла вместе с Прежними Богами, а Новые захватили власть раньше срока! Их время еще не пришло. И время их магии тоже!

– Скверно, – согласился я. – Что делать, придется пока век-другой обойтись без магии.

– Придется, – проворчал Гимар. – Вот только кому? Магия Зла ведь работает в полную силу. Там никто переворотов не устраивал.

Я понял, что Гимар имеет в виду.

Мир постепенно покрывается плесенью колдовства. Самое грязное, гнусное, невообразимое зло выползает из всяких закоулков, самая разнузданная кровожадность обретает плоть... и некому справиться с ними. Пока земля не примет Новых Богов, жизнь отдана злу на откуп.

– Так уже было один раз. Ну, почти так. Тогда Пржежних Богов победили Силы Зла, а время Новых еще не пришло. Двести лет, копейка в копейку, такое творилось, – вспоминал перекошенный от злости Гимар. – Я тебе рассказывал. За эти годы и десятой части людей не осталось. А сейчас вообще неизвестно, сколько ждать.

– Выходит, – медленно спросил я, – небесный трон Новые Боги получили, а в остальном...

– А в остальном – шиш им на блюде, – закончил мою мысль Гимар. – А получают ли они вообще это остальное, еще не сказано. Может, все помрем. Может, Силы Зла так укрепятся за это время, что прищемят нос этим соплякам.

Я не сразу сообразил, что Наставник подразумевает Новых Богов.

– Хулиганье малолетнее! Щенки невоспитанные! Как дело делать, так они еще маленькие, их час не пришел. А как задницу на троне размещать, так пожалуйста.

Пожалуй, прав Наставник Гимар. Именно хулиганы малолетние. Молокососы безответственные. Все, что они могут – это принимать жертвы и моления, пока Силы Зла не перекроют доступ к ним. Ох, и задолжают они людям! Жаль, я не увижу, как через долгие годы они будут оплачивать накопившиеся счета.

Некоторое время мы сидели молча.

– Ты вот что, сынок, – тихо сказал Гимар, и меня охватило предчувствие ужасного: никогда еще Гимар не называл меня так. – За домом присматривай. И пчелок моих береги. Хозяйство тебе оставляю хорошее, управисься. И книги мои... не все же там умерло. Может, и найдется что нужное. Только осторожно, не так, как в тот раз. Теперь ты хорошо умеешь читать. И... прости, если что не так.

– Учитель... но куда... почему?

– У меня есть еще дело, – произнес Гимар неожиданно жестко.

Мгновенная ласка исчезла из его голоса.

– Но Учитель Гимар... ты же сам сказал, что все кончено.

– Все и кончено, – подтвердил Гимар. – Здесь. Мои Боги мертвы. Все. И Повелитель Смерти тоже. Значит, на его месте сидит кто-то другой. Неужели ты думаешь, что я могу оставить своих Богов на неисчислимые столетия в руках мстительного малолетнего хулигана?

Боги, мертвые мои Боги, что же надумал Гимар! Невозможно. Немыслимо.

– Но Учитель... человек не может справиться с Богом...

– Но придется, – возразил Гимар и поднялся. Мне казалось, что между нами вспыхнул невидимый костер, и потоки горячего воздуха искажают его облик, но я ошибся. Потом я подумал, что мне кажется, или что я сошел с ума, и тоже ошибся. У меня на глазах происходило чудо, вот и все. Пока Гимар вставал, перемена облика завершилась. Куда только подевалась пьяная краснота лица, толстенькое пузико, невысокий рост! Передо мной стоял худой широкоплечий человек почти моего роста с бледным лицом и грустными глазами. Я издал хриплое нечленораздельное «а-а» и закрыл глаза. Потом открыл. Незнакомое худое лицо Наставника Гимара улыбалось знакомой улыбкой.

– Все очень просто, ученик, – голос Гимара тоже остался прежним. – Жить можно в каком угодно виде, даже в том теле, в котором родился. Тем более воину. Это отличная маскировка. Но навстречу Смерти человек должен идти в своем истинном облике.

В голове у меня царил сумбур.

– Телесном или духовном? – попытался уточнить я.

– Истинном, – ответил Гимар и ушел.

Если бы я не торчал до вечера у этой распроклятой скалы, как новобранец у ворот веселого дома! Но я сидел там до вечера и думал. Много надумаешь по такой жаре. Наступившие сумерки отрезвили меня. Я встал и пошел вниз, к дому. Когда я спустился вниз, настала ночь. Темнота не мешала мне идти, я шел знакомой тропой. Когда-то по требованию Гимара я прошел все здешние тропы с закрытыми глазами. А теперь Наставника со мной нет. Нет, темнота не мешала мне идти. К тому же в ночи я особенно ясно видел, как корчится в пламени пожара мой дом.

Золотые пчелы роились над его крышей, когда я подошел к нему. Сад расцвел дивными золотыми и алыми цветами. Навстречу мне из огня тянулась ветка, густо усыпанная ягодами, она слегка сморщилась от жара, некоторые полопались, и сок их капал на землю. Я протянул руку в огонь, сорвал горсть ягод и сунул в рот.

Учитель зря беспокоился, что я буду неосторожен с его магическими книгами. За них побеспокоились другие. Пергамент уже встретил свою смерть в горящем доме.

Учитель говорил, что остатки магии земли, воды и железа еще действуют, но я не стал вызывать дождь. В конце концов, зола – хорошее удобрение.

Я повернулся и побрел в деревню. Не затем, чтоб попроситься на ночлег – переночую где-нибудь под деревом, не впервой. Но я должен проверить, цел ли тайник с моим оружием, который я устроил неподалеку от деревни на случай, если армия захватит наши края, и я почему-либо не смогу вернуться домой. И к тому же мне очень хотелось есть.

Тайник был цел. В этом я убедился, даже не вскрывая его. Достаточно было беглого взгляда, чтобы понять это. Я не стал останавливаться рядом, чтоб не привлечь ничьего внимания: слишком много народу сновало вокруг. Через пару дней я перетащу оружие в другое место.

Армия, как и предсказывал Гимар, не задержалась в деревне. Насколько я понял из обрывков речей, она миновала деревню еще утром. Но паника не прошла, напротив. Помнится, мой старший брат когда-то решил, что будет интересно оторвать лягушке голову и посмотреть, что будет дальше. Движения встречных напомнили мне ту безголовую лягушку. Однако, чем ближе к деревне, тем более осмысленными становились действия окружающих. Я бы сказал, злобно осмысленными. Все кричали, размахивали руками, то и дело задевая кого попало. Любой случайный удар тут же завязывал драку. Все били, резали и грабили всех, и те, кто пытался просто спастись не составляли исключения: сначала они только отбивались, а, отбившись, переходили в атаку. Кое-где виднелись знакомые лица. В дальнем конце площади промелькнул Тенах. В правой его руке был меч, в левой – посох со знаками Новых Богов – символ жреческого достоинства. И тем, и другим он гвоздил по головам особо кровожадных, пытаясь навести хоть какой-нибудь порядок. Ну-ну. Младший жрец, значит. Это уже не тот мальчишка, что прибегал к нам с Наставником и молил трясущимися губами урезонить мародеров. Далеко пойдет мальчик. Не успел поносить меч толком – ишь, как неуклюже его держит! – и сразу за посох хватается. Я попытался пробраться к нему, но толпа выпихнула меня в какой-то переулок. Я попробовал пробраться в обход. Но не успел я пройти и нескольких шагов, как понял: незачем спешить на площадь, здесь для меня тоже дело найдется.

Здоровенный мужик волочил по пыли за волосы юношу, или, вернее, подростка. Конечно, подростка, раз волосы его по обычаю еще не острижены до плеч. Подростка я знал, это был Фаттарн, приходивший ко мне вместе с Тенахом. Этих юных фанатиков Новых Богов я хорошо запомнил. Мужчину я тоже знал, хотя и не мог сейчас сказать, как его зовут. Он принадлежал Прежним Богам, как и я.

Он остановился и поднял Фаттарна за волосы, затем прислонил к стене. Рука его скользнула к голенищу, и он выхватил нож. Фаттарн неожиданно рухнул, впившись зубами в руку с ножом и увлекая противника вниз тяжестью своего тела.

– Ах ты, гнида! – заорал мужик и наотмашь ударил Фаттарна кулаком по голове.

Будь мои Боги живы... но они мертвы, и не могут покарать его. Но и мне они не могут запретить убивать своих. Слава моим Богам, они мертвы, и мой меч свободен в выборе тел.

Я окликнул его, прежде чем нанести удар. Он обернулся и перехватил нож в другую руку, ибо Фаттарн, живой или мертвый, так и не разжал зубов. Я вогнал свой меч ему в солнечное сплетение, и Фаттарна окатило кровью, когда я выдернул клинок. Я вытер его и вложил в ножны. Потом, пробираясь дворами, огородами и закоулками, я вышел из деревни. Я шел вдоль ручья, пока не понял, что сюда уже не доносятся крики. Они звучали только в моей голове. Тогда я нагнулся, сложил ладони горстью, набрал в них воды и жадно выпил. Есть мне больше не хотелось.

В течение следующих дней я строил себе в лесу потайную времяночку, потихоньку выгребал свой тайник и перетаскивал оружие, и ждал, не разразит ли меня какой-нибудь гром небесный. Никто и ничем меня не разразил, и к исходу третьего дня я сделал единственно возможный вывод. Из этого вывода вытекали, в свою очередь, еще кой-какие следствия. Вывод заключался в том, что мне нужно идти в Дом Смерти. Если я ошибся, то гром небесный разразит меня уже там. Если нет, скорее всего, мне предстоит порядочная нахлобучка. Возможно, со смертельным исходом. Так что вооружиться не помешает, хотя запрещено в Дом Смерти входить с оружием. Раньше за такое Повелитель Мертвых испепелял ослушника на месте. Как все замечательно складывается.

В Дом Смерти человек может войти только один раз, и место это не из приятных. Казалось бы, толпиться там некому. На самом деле от желающих нет отбоя. Одни хотят встретить там кого-нибудь из умерших родственников, другие – плюнуть бывшему врагу в призрачную морду. Десять лет назад было моровое поветрие, распознали его не сразу – простуда, она и есть простуда – и людей перемерло много, так туда лекарей понабежало столько – впору подумать, что они одни в живых остались. Хотелось бы знать, зачем? Можно подумать, их кто-нибудь простит.

Ну, а если у паломника действительно важное дело, его ведут в Зал Невидимого Света, и там он беседует с Повелителем Мертвых лично. Но о сущности их вопросов никто ничего не знает, дело это тайное, и даже имена их в храмовую книгу не заносятся.

Мне предстояло войти именно туда. А туда меня не пустят. Приверженцы Новых Богов закрыли доступ в Дом Смерти почитателям прежних. Нечего им с потусторонними силами советоваться. Вот и выходит по всему, что пробиваться мне придется, как в осажденную крепость. Хотя крепость сейчас взять, пожалуй, легче. Три дня назад, в ночь, когда горел наш дом, регулярная армия после недолгого штурма почти без сопротивления взяла последний оплот Препных Богов – крепость Орхтану.

Я шел сквозь деревню, как зачумленный. Люди шарахались от меня. Не погладят их по головке Новые Боги за разговоры с наемником Препных. Я все еще оставался наемником. Мертвый воинский знак по-прежнему висел на кожаном шнурке, но сегодня одежда не скрывала его. Ветер слизывал пот с моей обнаженной груди, отбрасывал со лба ничем не закрепленные волосы. Ни щита, ни шлема, ни кольчуги, ни даже рубашки. Когда воин-маг должен принимать бой с теми, кто слабее его, он не имеет права прикрывать грудь и голову чем-бы то ни было. Это закон. Иначе твое преимущество слишком велико, и победа твоя становится бесчестьем, и любой воин-маг, и вообще любой плюнет в твою сторону. Когда мы с Наставником улаживали деревенские разборки, он неизменно был одет именно так, мне же приказывал надевать кожаную куртку с нашитыми на нее кольцами. Послабление мне было дано, как он

выразился, «по малоумию и скудости мастерства; а также оттого, что годами еще не вышел». Ученикам иногда разрешались подобные поблажки. Но Учителя больше нет среди живых. Я больше не ученик. И я не мог заставить себя надеть свою ученическую куртку. Мне было противно защищаться от них. Их много, и они мерзавцы, но они не воины. Слава Богам, мертвым и живым, они хотя бы вооружены. Не то пришлось бы мне переть на толпу жрецов с голыми руками. В подобной схватке, как гласит кодекс, «да прикроет воина его мастерство, и да не будет ему иного щита». Штаны, сапоги, пояс, оружие, за плечами – сумки со всем, что может понадобиться, у пояса фляга с водой. Больше ничего.

Я шел, и при моем приближении в домах опускались ставни. Люди отводили глаза – одни от страха, другие от стыда. Впервые мне преградили путь на длинной узкой аллее, ведущей к Дому Смерти.

Двое служек. Эти болваны даже не попытались заговорить со мной. Они набросились сразу, без предупреждения, размахивая мечами самого неподходящего для них размера и веса. Одного я пнул в пах, другого треснул рукоятью меча по переносице. Потом пошел дальше.

Очевидно, за моим продвижением из Дома Смерти наблюдали, ибо через миг-другой навстречу мне вышла целая толпа, и кое-кто в этой толпе даже умел управляться с оружием. Конечно, с любым из них я бы живо разобрался, но их слишком много. И оттого, что большинство из них – бараны безмозглые, легче не становится. От опытного воина хоть знаешь, чего ждать, а новичок опасен своей непредсказуемостью. Одна надежда, что те, кто умеет махать мечом, полезут в первые ряды – удаль показать.

Так оно и случилось. Я возликовал.

Поначалу я сражался сразу с шестерыми, а потом сделал вид, что им удастся меня потеснить. Отступил, совсем немного, потом еще, потом побежал. Когда мои шестеро растянулись в линию, я повернулся и прыгнул.

Я все еще не обнажал меча. Я наносил удары рукоятью по головам, промеж глаз. Мне было по-прежнему противно убивать их; все равно, что котят резать. Правда, котят уж очень много, и они могут меня оцарапать, но все равно противно.

Когда я разобрался с шестерыми удалцами, остальные котята приготовились меня окружать. Вот и славно. Через толпу мне бы не пробиться, а круг я прорву. Я дал им окружить себя, а затем подкатился под ноги и выбрался из круга. Нападающие со звоном сшиблись. Вышло не очень удачно. Чей-то меч слегка задел меня, и из дырки на штанах засочилась кровь. Погладил бы я этих котят против шерстки, да некогда. Я ринулся к дверям, пока никто не успел преградить мне дорогу. За спиной я услышал пение стрелы. Интересно, у кого ума хватило? Две стрелы вонзились в подошвы моих сапог, третья в руку. Но я уже распахнул двери, вбежал и захлопнул тяжелые створки за собой. Только тогда я позволил себе отдышаться.

Не так уж плохо. Рана на бедре пустячная, скорее длинная царапина. Вот рана в руке – это посерьезнее будет. Очень уж неудобно торчит стрела; другой рукой мне ее не выдернуть, не расширив рану. В конце концов я обломил стрелу, оставив в предплечье наконечник с частью ее древка. Либо мне вскорости вынут стрелу другие руки, либо эта рана не будет иметь значения. У мертвых раны не болят.

Стрелы в сапогах мне мешали ужасно. Засели они крепко, отодрать их можно только вместе с подметкой, так что их я тоже обломил. Получилось что-то вроде шпор. Собирайся я сейчас сесть верхом, они бы мнегодились.

Все замечательно, но куда же мне теперь двигаться дальше? Неужели все жрецы выскочили наружу для расправы со мной? Плохо тогда мое дело. Если и не заблужусь в здешних лабиринтах, то непременно наткнусь на что-нибудь смертоносное: Дом Смерти как-никак, и оснащен он многими безобидными на первый взгляд предметами. Возьму в руку что-нибудь неподходящее. Или съест меня кто-нибудь. Почем я знаю.

Где-то неподалеку послышался звук шагов, и я пошел на этот звук, очень стараясь ни к чему не прикасаться и ни обо что не спотыкаться. Никакой надежды подобраться незаметно: проклятые шпоры клацают всюду. Единственный расчет на скорость. Так и есть: меня услышали. Шаги удаляются. Я прибавил ходу, и вскоре увидел того, кто убегал от меня. Молоденький послушник в совсем еще новых фиолетовых одеждах. Он тоже увидел меня и заметался, пытаюсь удрать, но я догнал его, схватил за горло и повалил. У бедняги чуть глаза не вылезли на лоб – не оттого, что я его сильно сдавил, просто от страха. Я уперся ему коленом в грудь, продолжая левой рукой держать его за глотку. Правой рукой я извлек нож и выразительно поднял его повыше, чтоб лезвие поблестело как следует. Ни с одним человеком, хоть сколько-нибудь понимающим, что такое драка, я бы в жизни не сделал ничего подобного. Но этот худосочный заморыш никогда не дрался. Запугать мне его удалось отлично.

– Ну как, поговорим? – осведомился я, поднося лезвие к самым его глазам.

– Ч-что в-вам угодно? – просипел послушник.

– Мне нужен проводник в Зал Невидимого Света. И чтоб без фокусов. Если что, прирезать я тебя успею.

Мы встали и пошли. Почти в обнимку. Нож я держал у его горла. Я не боялся, что он вдруг взбрыкнет, но по дороге нам мог встретиться еще кто-нибудь. Пусть думает, что я взял заложника, и поостережется нападать.

За моей спиной послышался ритмичный грохот. Ломают дверь. Пусть ломают. Сомневаюсь, что у них хоть что-то выйдет.

Без проводника я давно бы заблудился или помер. Странное место. Не так я его себе представлял. Когда думаешь об обители Смерти, поневоле приходит на ум что-то зловещее. А на самом деле ничего подобного, все очень буднично, обыкновенно. Пыльные коридоры, пустые закоулки, обманчиво безопасные переходы... Никаких мрачных драпировок, леденящих кровь стенных росписей, никакого торжественного убранства. Только гнетущая тишина.

– Дальше ты должен идти один, – просипел мой проводник.

Я нахмурился.

– Нет, правда, – настаивал он. – Здесь никто из нас не ходит. Только паломники. Если мы ступим на эти плиты, мы умрем.

Передо мной простирался длинный коридор, вымощенный серым гранитом. Зернистый и шершавый по краям, в середине коридора он был гладким, как зеркало. Завершался коридор массивной каменной дверью без единого выступа. Я еще раз внимательно посмотрел на послушника. Не врет ли? Да нет, страх на его лице написан неподдельный.

– Ладно, пойду один. И что дальше? Как мне открыть эту дверь?

– Никак. Прикоснись к ней, она сама откроется.

– Или не откроется?

Послушник опустил глаза.

– Ты не прошел положенные обряды. Может, и не откроется. Не знаю, – в его голосе звучало отчаянье.

– Ладно, – я отпустил его и спрятал нож в ножны. – Не буду тебя пугать. И так напугал уже. Иди.

Бедняга замер, не в силах пошевелиться. Похоже, он был уверен, что в конце пути я его все-таки прирежу. Я ощутил легкие угрызения совести, но у меня не было на них времени. Я ступил на серый гранит, невольно ожидая, что он провалится подо мной. Но нет, все в порядке. Еще несколько шагов. Ничего страшного. Я выругал себя за нерешительность и зашагал к каменной двери.

Она открылась от первого же касания моих пальцев, словно только того и ждала. Я ступил за порог и оказался в Зале Невидимого Света.

Никогда я не видел ничего подобного. Стены зала – да полно, были ли у него стены? Если и были, увидеть их невозможно. Они растворялись, уходили куда-то вдаль. Не во мрак, нет, просто в ничто. Но ни на миг не возникло у меня ощущения, что я на открытом пространстве.

Света вроде бы и не было. Ни свеч, ни факелов, ни звезд. Вокруг стояла кромешная тьма. Но видеть в ней можно было, как в самый солнечный день. И я понял, почему зал для встреч с Повелителем Мертвых носит такое название.

Сначала я просто осматривал зал. Ну вот, я здесь. Что же дальше? Я затравленно озирался по сторонам, словно пытаюсь найти подсказку, написанную на полу или посреди узкого высокого алтаря в центре зала, или на ведущих к нему ступенях.

Бесполезно.

Зачем я здесь? Пришел и стою, как дурак. Призывать мне теперь Повелителя Мертвых? Умолять? Угрожать? Настаивать? Как известить его, что я пришел?

В дальнем конце зала возникла фигура. Она медленно, величественной поступью приближалась ко мне. Складки плаща царственно стекали с широких плеч. Двуглавый жезл – дарующий и отнимающий жизнь – вздымался вверх. Корона тяжело мерцала над бледным лбом. Мне в глаза смотрел Повелитель Мертвых.

– Пожрать принес? – осведомился он.

– Да, Наставник, – ответил я и полез в сумку за бутербродами.

– Оголодал я, сил нет, – он сел прямо на ступеньки собственного алтаря, раскрыл сверток и принялся со вкусом уписывать его содержимое. – Эти паршивцы воскурят мне какие-то распроклятые благовония. Представляешь?

Я кивнул, едва удерживаясь от смеха.

– Через неделю тебе принесут в жертву быка, – напомнил я.

От возмущения Гимар чуть не поперхнулся.

– По-твоему, я могу питаться вонью от горелой говядины?!

Я энергично замотал головой.

– Как назло, сюда ни одна собака не заходит, – пожаловался Гимар. – Жрецы дурью маются, а я сижу голодный.

Он откупорил бутылочку с вином и жадно отхлебнул. Я смотрел на него с благоговейным восхищением.

– Учитель, как тебе это удалось?

– Как, как, – проворчал Гимар, отрываясь от бутылки. – Обыкновенно.

– Но ведь тебе противостоял Бог.

Гимар попытался досадливо скривиться полным ртом.

– Как Бог, он, может, чего-то и стоит, – махнул рукой Наставник, – но боец из него никакой. Он совершенно не привык встречать сопротивление. Тем более от человека. Гаденыш. Старикам легко морды бить!

Под «стариками» возмущенный Гимар явно подразумевал Мертвых Богов.

– Давай руку, – неожиданно сменил тему Гимар, – посмотрим, что у тебя там.

Когда он коснулся раны жезлом, я закрыл глаза. Наконечник стрелы полз наружу медленно, цепляясь всеми своими зазубринами, упорно не желая покидать теплую плоть. Наконец обломок стрелы шлепнулся к моим ногам. Я открыл глаза, перевел дыхание и вытер пот.

– До вечера заживет, – объявил Гимар. – Хлебни-ка винца, ты совсем зеленый.

Я взял из его рук бутылочку и отпил немного.

– Вот видишь, малыш, все кончилось хорошо.

Вино мгновенно застряло у меня в горле. Как мне сказать ему о пожаре?

– Наставник Гимар, – я откашлялся, – я должен сказать...

– Ты о доме? – усмехнулся Гимар.

Я кивнул. Если он и раньше видел меня насквозь со всеми моими мыслями, то теперь – тем более.

– Я знаю. Ничего страшного. У тебя должен быть свой дом. Строй на прежнем месте, а золу от старого собери. Потом запашешь ее на полях. Они уцелели. Сад придется заново сажать, но ты справишься.

Я встал.

– погоди, – остановил меня Гимар. Он расстегнул серебряную пряжку на плече, и плащ мягко заструился вниз.

– Надень, – приказал Гимар.

Я вытаращил глаза.

– Надень, кому говорят. Пригодится. И пряжку сбереги. Когда выйдешь, объяви этим оглоодам мою волю. Чтоб впредь приносили жертвы каждый день. Чем-нибудь съедобным. А то я ведь даже не могу помереть с голоду, сам понимаешь.

Я надел плащ.

– До встречи, Наставник.

– До встречи, – буркнул Повелитель Мертвых. – Только не торопи ее. Смотри мне: если по своей глупости увидишь меня раньше срока, лучше бы тебе не родиться и не умирать.

Мы обнялись на прощанье.

Повелитель Гимар повернулся ко мне спиной, сделал несколько шагов и исчез. Я убрал объедки с алтаря, сложил их в сумку и вышел.

Жрецам таки удалось взломать дверь. Они ждали меня в конце гранитного коридора, потрясая оружием. Но едва завидев меня, они, словно по команде, опустились на колени. Еще бы: сам Повелитель Мертвых пожаловал мне одеяние со своего плеча.

– Не изволит ли Вестник Повелителя простить неразумие наше? – возопил главный жрец, осторожно стуча головой об пол.

Мне стало смешно.

– Изволю, – чопорно ответил я.

– Не соблаговолит ли Вестник сообщить нам, каким посланием почтил его Повелитель? – в прежнем стиле спросил жрец, по-прежнему стуча головой.

– Повелитель изволил приказать, – строго ответил я, – чтобы благовоний жгли поменьше, быков ему не палили, а жертвы приносили каждый день съестным. И не вздумайте их жечь! Пусть кто-нибудь из паломников кладет каждый день еду на алтарь.

– Воля Повелителя священна, – провыл жрец, распластавшись в земном поклоне.

– Надеюсь, что так, – заметил я. – И если узнаю, что вы Повелителя не кормите, головы поотрываю.

– Да будет так, – возвестил жрец.

– Да будет, – согласился я. – Проводите меня до выхода.

Обратно мы шли другой дорогой. Плащ мой тепло мерцал, освещая коридоры. Серебряная пряжка сияла. Впереди меня шел проводник, сзади – целый почетный эскорт из жрецов. Я уже не соображал, как и куда мы идем, и поэтому солнце ударило мне в глаза неожиданно.

– Не соблаговолит ли уважаемый вестник принять должность почетного местоблюстителя алтаря? – голос жреца нарушил очарование минуты.

– А идите-ка вы все! – беззаботно ответил я и сел на траву.

Надо отдохнуть немного. Дело сделано. Дома меня ждет поле, ждет сад, который надо вырастить снова, ждет место, где вновь надо возвести стены и крышу.

Все еще только начинается. Совсем как на картинке, я такие в детстве палочкой на песке рисовал: широкий горизонт, посередине дорога, по бокам – горы, и сверху большое-большое солнце.

Из песен о Наемнике Мертвых Богов

Им не нужно уже ничего —
Веры, крови или цветов.
Ваши Боги убили моих,
Я – Наемник Мертвых Богов.

Я забыл, куда я иду,
И забыл, чего я хотел, —
Но отныне в моей руке
Меч свободен в выборе тел.

Я не должен стрелять в друзей
По приказу огненных слов,
Я имею право любить, —
Я – Наемник Мертвых Богов.

Мне неведома моя цель,
Неподвластен мой путь судьбе...
Все вы – слуги своих Богов.
Я – хозяин. Но лишь себе.

То, чего нет

Летом – и чтобы такой день!

Как-то удивительно скоро шла работа. Для покоса погода выдалась самая что ни на есть удачная, управился я быстро на редкость. Два года я отводил ручей к полю, зато теперь и хлопот с поливом никаких. Дождем в этом году не баловало, но мне ручья хватило, все так и лезло в рост, все плодилось наперегонки. Оно и понятно: если человеку другого дела нет, кроме как гусениц обирать. И все же... Отец мой на земле работал, и братья надрывались все от зари до зари, знаю я, чего кусок хлеба стоит. Но никогда бы не подумал, что может случиться такой день, чтобы в самый разгар летней страды – и делать было нечего. Сиди себе на холодке и попивай вино первого летнего урожая. Я и сидел, попивал. Отменное вино. И мед... впрочем, мед мог быть и получше. Чего-то в нем не хватало. Ни разу после войны не упомяну, чтобы такой мед был, как раньше. Старею, не иначе. Первый признак. Раньше и небо было синее, и вино пьянее, и солнце солнечнее, и мед медовой. Будь это хоть на сотую долю правдой, хотел бы я попасть на пару веков назад. Не насовсем, так хоть пообедать. На всю бы жизнь запомнил. Старею. Но мед все же не совсем медовый. Раньше, еще до того как дед пчел развел, мы покупали привозной мед вроде теперешнего. А здешний мед был совсем другой. Пчелы вроде в порядке, ничего не скажешь, а мед... видно, не все я секреты усвоил. Не успел. Ну, теперь у меня времени хоть отбавляй. Вся оставшаяся жизнь. Долгая жизнь. И с медом разберусь, и другое такое прочее. Торопиться некуда.

Тенах никуда и не торопился.

Я сидел и смотрел, как неспешно, величаво шествует молодой настоятель меж грядок, непостижимым чудом ухитряясь не зацепиться нарядными одеяниями за что-нибудь. День вообще-то величавости способствует: ни ветерка. Вот если бы ему задрало ветром все эти шелка до самой задницы, посмотрел бы я на торжественность его вида. Или если, скажем, по дождю шлепать. А так – полюбуйтесь. Шествует. Неспешно. И мысли у меня неспешные, ленивые.

– Садись, – предложил я. Рожа у Тенаха при всей торжественности все-таки растерянная. Величаво растерянная. Он не знает, чего от меня ждать. На его месте я бы тоже не знал. Впрочем, я и сам не знаю.

– Вина хочешь? – не дожидаясь ответа, я плеснул ему с полстакана. Тенах изумленно воззрился на вино.

– Ты пей, не отравлено. Не бойся, я не буду тебя сегодня убивать.

– Шутишь, – неуверенно произнес Тенах.

– Ну что ты, – я полюбовался жидким зеленым огнем в моем стакане и отхлебнул. – Какие шутки. Я и в самом деле не буду тебя сегодня убивать. Конечно, стоило бы. Только жарко.

– Жарко, – угрюмо согласился Тенах и пригубил. – Хорошее вино.

– Хорошее, – подтвердил я и потянул глоточек.

– У меня к тебе есть дело, – после недолгого молчания сообщил Тенах. Можно подумать, я и сам не знал. Не вино же он ко мне пить притащился. Да и еще при полном параде. Без крайней нужды он бы ко мне и не сунулся. Только мне до его дела – и дела нет.

– А у меня к тебе нет дела, – отрезал я. – Пей вино и не дерзи. А то еще передумаю и убью.

– Жарко, – усмехнулся кончиками губ Тенах. – Но выслушать тебе меня придется, Наемник.

– Пожалуй, я все же передумаю, – произнес я. – В жизни таких наглецов не видел. Я Наемник Мертвых Богов, ты – слуга живых, это твои Боги убили моих. И у тебя еще хватает наглости прийти ко мне по делу. А ведь знаешь, чего мне стоит видеть твою рожу!

– Если бы ты знал, чего мне стоит видеть твою, – с тихой убежденной ненавистью в словах произнес Тенах. Голос его при этом остался спокойным, даже будничным. – Но мне нужна твоя помощь.

Нда, тут он меня уел. Он ведь меня ненавидит, пожалуй, побольше, чем я его. И по той же самой причине. Такие, как он, уничтожили мир таких, как я. И произошло это не когда-то, а на нашем веку. Он и его мир победили. Ненавидеть побежденных так естественно. Даже естественней, чем ненавидеть победителей. Они уничтожили нас и теперь живут своим умом. Если Тенах пришел ко мне, значит, он не справляется. Что бы там ни случилось, но ему не по зубам. Я мог бы злорадствовать, да вот не выходит. Потому что этот молодой самоуверенный паршивец наступил на самого себя и отправился ко мне за помощью. Ей-же слово, начинаю его уважать. Трудно признать, что ты чего-то не можешь. Тем более перед побежденным.

– Ладно, Тенах, – согласился я. – Насчет моей рожи – это довод весомый. Излагай свое дело. Что там у тебя случилось?

– Если б я знал, – Тенах на удивление быстро взял себя в руки. – На первый взгляд так вроде и ничего.

Он снова замолчал.

– Жутко. Не понимаю. Не бывает. Все кажется, что вот-вот проснусь. Не знаю, как объяснить. Может, все глупости. Но я бы хотел рассказать. Ты эту землю знаешь.

Тишина между нами зазвенела, словно ее наполнили невидимые пчелы.

– Знаю, – согласился я. – И тебя знаю. С пустыми бы руками не пришел. Рассказывай про свои глупости.

– Эйр и Ээнкет. Помнишь еще?

– Помню, – я их действительно помнил. Глупые, мерзкие склочницы. Чем они могли встревожить Тенаха?

– Поругались. Вот... Сцепились.

– Как обычно, – усмехнулся я.

– Нет, – качнул головой Тенах. – У Ээнкет шрам теперь, – он показал пальцем от угла рта к уху. – Эйр платок носит. Понимаешь, они, конечно, и раньше... но ведь не так...

Я понимал. Трудно представить этих старых дурех, наносящих друг другу увечья.

– Странно, – вслух подумал я.

– Не очень. Я, дурак, не сразу и понял. Хотя, может, и раньше что-то было, да я не заметил. Что-то не такое явное.

– Ты бы и этого не заметил. Что-то еще было потом. Похожее. Да, Тенах?

Тенах сосредоточенно кивнул.

– Молодые. Ты их детьми помнишь. Так что по именам не стоит. Один избил брата поленом, руки переломал. Другой мать из дома выставил. Еще один застрелил лошадь под соседом на скачках. И много еще такого. Режутся каждый день. По поводу, без повода, все едино. Молодая девчонка убивает любимую собаку за то, что та не хочет есть вчерашнюю похлебку. Видал такое? И все всех учат жить. И все кричат. Ты меня не вином удивил, Наемник. Ты меня голосом удивил. Я отвык от тихих голосов. Все кричат, понимаешь? И пакостят. И отказывают в любой просьбе. Даже себе во вред.

– Лучше в кипящий суп голым задом сяду, чем друга угощу? – усмехнулся я, вспомнив поговорку.

– Именно так, – подтвердил Тенах без тени улыбки. – Если будет выбор – сядут. Хотя бы и в кипятке. Помнишь ведь, у нас колодцы по одному на два двора?

– Помню, был такой старый обычай.

– Был. Почти все колодцы отравлены. Кто из соседей отравил – дело темное. Сам без воды, зато соседу пакость.

– Вот в колодцы, извини, не верю. Не бывает такого.

– Не бывает, – вздохнул Тенах. – Хорошо у тебя, Наемник.

Когда он это сказал, я поверил. И в колодцы, и в собаку. Потому что он сказал, что и думал. Сразу видно. А уж если человеку у врага в доме хорошо...

– Ладно. Верю. Дальше.

– Понимаешь, дальше – больше. Не знаешь, чего и ждать. Все как не в себе. Будто боятся чего-то. Или их что-то заставляет. Нет, не то... не могу назвать. Нашептывает. Не свои мысли... а вроде как свои.

– И давно вы так живете?

– Давно, – признался Тенах.

– Отчего же за советом пришел сейчас?

– А мне вчера подумалось, что это твои штучки, и тебя надо убить.

– Не сказал бы, что это у тебя своя мысль, – хмыкнул я.

– Оно и страшно. Почти как своя. Захватило, понесло... еле опомнился.

– И решил не убивать, а посоветоваться? – полюбопытствовал я.

– Не смейся, Наемник. Хотя, – он махнул рукой, – смейся, твое право. Я отвык. Мне нужен совет. Это безумие. Словно мир стал на дыбы. Ты знаешь этот мир лучше. Если не ты, никто не знает. Ты ведь был Стражем Границы.

– Не «был», Тенах, – поправил я. – Ты все время забываешь. Я нанимался на срок, это верно. Но мои Боги мертвы, и отпустить меня со службы некому. Я не «был». Я и есть Страж Границы. И все, что на ней происходит, мое дело. Ты должен был прийти ко мне раньше.

– Я не знал, – очень просто произнес Тенах. – А ты можешь хоть что-нибудь сделать?

– Попытаюсь. Надо бы самому посмотреть на колодцы ваши отравленные.

– Тебе это все о чем-то говорит?

– Пожалуй. Да и тебе тоже. Это ведь ты сказал «мир встал на дыбы». Похоже, так и есть. Остается выяснить... хотя нет. Но если я не ошибся...

– Я твой должник, – серьезно сказал Тенах.

– Ну, нет. Ты мне ничего не должен. Завтра пойдем, посмотрим колодцы.

Как-то получилось, что Тенах никуда не пошел, и вечер мы провели вместе за вином и разговорами. Я поинтересовался, не избалуются ли в отсутствие настоятеля храмовые прислужники. В ответ он любезно посоветовал мне заниматься своим делом. Так я и поступил: выпил вина и призадумался, краем уха продолжая слушать Тенаха. Чутье у него, надо признать, отменное. Другой бы на его месте забил тревогу слишком поздно, а то бы и вовсе не догадался. И за советом он пришел ко мне, хотя ему и неоткуда знать, что я в таких делах понимаю побольше прочих. В иные времена из него получился бы сильный маг. В иные – да, но не теперь. Слишком молоды его Боги. Они еще не успели врасти в эту землю, влиться в эту воду, еще нет в этом воздухе их дыхания, и огни этих костров – не их огни. Они здесь чужие. Их сила здесь еще ничего не значит. Много времени пройдет, пока этот мир их примет и сольет с ними свою силу. При жизни Тенаха этому не бывать. Он не маг, и магом не будет, так что расхлебывать придется мне. Моих Богов уже нет, я не смогу ничего сверх того, что успел узнать раньше, но их след еще не остыл на этой земле, и она мне ответит. Если, конечно, тех начатков знаний, которых я успел нахвататься, станет на такое дело.

Потому что дело серьезное. Сам не знаю, зачем я решил идти завтра с Тенахом и высматривать невесть что. Вовсе незачем. И так все ясно. С первых же слов Тенаха я понял, что случилось. Похоже, я просто надеялся, что Тенах ошибся. Надеялся увидеть завтра что-нибудь такое, отчего я вздохну с облегчением и назову Тенаха дураком. Только Тенах не дурак, и увижу я завтра мерзость. Чем больше я размышлял, тем больше мне хотелось, чтобы я оказался не прав. Очень уж безотраднa моя правота. Найти мерзость, а потом еще искать, откуда она вылезла. Еще неизвестно, удастся ли ее загнать обратно.

Не люблю я сталкиваться с невидимым. Мой наставник, бывший Страж Границы, зачастую говаривал в подпитии: «Запомни, парень: чего не бывает – так это денег и привидений». По части денег точно, тут он прав, не бывает. И насчет привидений тоже. Не видел их никто. Нельзя видеть бесплотное. А вот невидимое, невоплощенное, очень даже бывает. И очень я его не люблю. Его даже за шиворот не взять: какой же шиворот у того, чего нет. Больно много сил уходит, пока пристроишь к нему подходящий шиворот. И ох же как не хочется заниматься поисками шиворота, а придется. Но уж предвкушать гниль могильную не обязан. Невкусно. Так что уложил я Тенаха на крылечке, а сам спустился в сад и устроился на травке, подстелив плащ. Смотришь вверх и тонешь глазами. Хорошая замена вину. А нельзя мне сегодня больше пить. Голова нужна ясная.

Проснулись мы с Тенахом не на рассвете даже, а раньше: уже не затемно, а когда луна зарей умывается. Пока мы умывались сами, рассвело, и мы неторопливо по холодку отправились к колодцам. Всего-то и дороги – утренней росе высохнуть не успеть – а шли мы очень долго, очень медленно. Тенах после вчерашних откровенностей злился на себя, почти сожалел о том, что позвал меня и плелся нехотя, словно не желая представить мне на погляд то, о чем рассказывал вчера. Я же, по правде говоря, боялся того, что увижу. И мы, хотя и не сговариваясь, но в полном согласии оттягивали прибытие, как могли. Глупость, конечно. Нет никакого смысла тянуть. Потяни кота за хвост – без глаз останешься. Потянули мы дорогу, как кошачий хвост, долго, сильно потянули. Вот и вцепилась мне деревня в глаза, как разъяренный кот. Разве только не шипела и не мякала.

Нет, ничего Тенах вчера не преувеличивал и ни в чем не ошибся. Скорее, не договорил. Мир был острым, как черты лица, заостренные смертью, и тление уже вступило в свои права. Мусор на улицах. Вопли и мычание не доенной с вечера скотины. Мычание и вопли пьяных – в такую-то рань. Запах. Люди, уже отравившие свои колодцы, крали воду из немногих неотравленных; кой-кто из них попадался в капканы еще на подступах к воде. И постоянная радостная готовность любого дать в зубы любому. И многое, многое другое. Мне было все понятно и очень противно. Ну, неужели ничего и никого... нет, не может быть. Я искал взглядом хоть какой-то опоры, хоть какое-то противоядие, иначе бы и не заметил.

На дереве сидела девушка в пыльном платье и пряла. Ее мать, толстая низенькая женщина, прыгала под деревом, осыпая девушку бранью и гнилыми яблоками, и все пыталась стащить ее на землю, ухватив за ногу или за край платья. Девушка, прикусив пухлую губку, продолжала молча прясть, не подымая глаз. Наконец толстуха выдохлась, призвала на голову мерзавки дочери парочку особо увесистых проклятий и ушла домой. Девушка прерывисто вздохнула и заплакала без всхлипываний, одними глазами, но продолжала прясть. Я протянул руку в ее сторону, осторожно коснувшись воздуха. Никаких сомнений. Девушка почувствовала незримое касание наверняка. Она оторвалась от работы и взглянула на меня тревожно и удивленно. Я поклонился.

– Ты что это? – тихо спросил Тенах, когда мы чуть отошли.

– Ничего, – ответил я. – Можно подумать со святыми каждый день встречаешься.

– С какими святыми? – обалдел Тенах.

– С обыкновенными, – терпеливо растолковывал я. – Какие святые бывают. Уж поверь моему опыту.

– Я и не думал, что есть еще кто-то вашей веры, – удивился Тенах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.